

Многие киновееды уже причислили его к лику "живых классиков". С другой стороны, киноленты этого незаурядного мастера с большим трудом пробивались сквозь цензуру в советские времена, и еще сложнее — к сердцу массового зрителя. Понимание необычного киноязыка приходило не сразу, но потом наступало признание. Достаточно вспомнить "Проверки на дорогах" и особенно — "Мой друг Иван Лапшин".

— После окончания просмотра я увидел в зале немало кислых лиц...

— Такие лица были в свое время и после "Лапшина"... Мне звонили тогда из одной уважаемой газеты и просили забрать мешки с возмущенными письмами, в большинстве из которых вверху было написано: "Копия в КГБ". Я ругался из-за "Лапшина" с такими уважаемыми мастерами, как Элем Климов и Андрей Смирнов, которые заявляли, что картина — полный провал, ее надо "спасти". Теперь к этому фильму совсем другое отношение. А сейчас шок у многих зрителей потому, что от меня ждали как бы продолжения "Лапшина", а увидели иное.

— Сцены в "Хрустале" почти натуралистичны, и в то же время остается ощущение, что смотришь какой-то сон...

— Мы и делали полусон-полуявь. Шизофренией была вся наша жизнь. Вот воспоминание моего отца. Однажды он повез известных французских писателей, коллег, на русскую рыбалку и отошел, извините, по малой нужде. Что-то хрустнуло, и он увидел, что на дне замаскированной ямы сидит солдат в наушниках с огромной рацией и с ужасом на него смотрит. Просто солдат докладывал начальству, кто куда идет... У нас в стране всегда было, как в сумасшедшем доме. Меня вот, например, наградили орденом за заслуги перед Отечеством, но так его и не вручили. И таких примеров — тьма. В "Хрустале" мы старались не расшифровывать некоторые вещи, которые должны быть понятны отечественному зрителю, а пытались передать ту ауру безнадёжного ужаса, который охватывал, да и охватывает людей...

— Значит, этот фильм и о настоящих?

— Хотелось задать вопрос: ну почему мы такие? Анна Ахматова все переживала: "Ах, что будет, когда Россия, которая сидела, встретится с Россией, которая сажала?!". А ничего не было. Встретились, выпили и разошлись. Это такая страна, где все прощают друг друга. Мы хотели показать злодейство, когда нет злодеев. Мне кажется, это типично для нас. Генерала, героя фильма, изнасиловали зеки, а он потом у одного из них на плече спит. Мы стремились сделать кино, где все — жертвы.

— В ваших фильмах очень высокая степень достоверности — и в бытовых деталях, и в игре актеров. Есть какой-то секрет?

— Надо хорошо знать и любить то жуткое время, о котором снимаешь фильм. Но как воссоздать его? В картине много нашей домашней мебели, наших вещей. И дача Сталина в "Хрустале" настоящая. И диван, на котором он умирал, подлинный. А машины членов политбюро, которые ме-

Наверняка сложная судьба ждет и его новую ленту "Хрустале, машину!", не понятую западными журналистами в Каннах, но уже получившую высокую оценку многих представителей кинематографической элиты. Страшный фильм, выхватывающий кусочек жизни сталинской Москвы в последние дни всевластия вождя, вызывает шок. Корреспондент "Труда" встретился с Германом в Вильнюсе на фестивале "Живое русское кино-98".

ческий. С артистами ведь трудно работать, они то одно выражение лица наденут, то другое — по заказу. А Юрий очень органичен...

— Не поэтому ли в ваших фильмах много непрофессионалов?

— Да, у нас много типажей. Надо было создать "симфонию лиц" — в "Хрустале" их две тысячи. Ну где взять столько артистов, чтобы у всех была бритая го-

кажется, реформаторы должны быть заинтересованы в такой картине.

— Значит, вы снова постараетесь выразить свое отношение к настоящему? Какое оно?

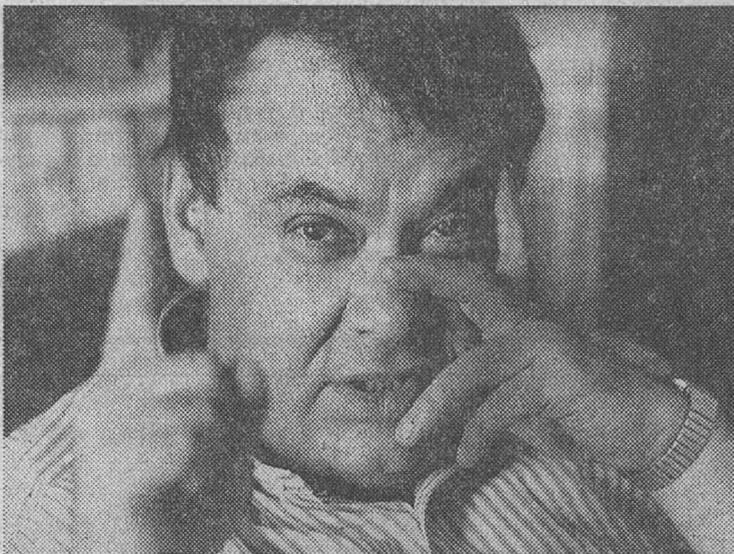
— Думаю, плохо, что прогнали реформаторов — людей, которые хотя бы пытались что-то осмыслить. Серьезных перемен в стране после распада СССР не вижу. Перемены ведь происходят внутри

КРУПНЫЙ ПЛАН

АЛЕКСЕЙ GERMAN:

Труд. — 1999. — 19 янв. — с. 4

ШИЗОФРЕНИЕЙ БЫЛА ВСЯ НАША ЖИЗНЬ

чутся по Москве — они же все вместе ездили, боялись друг друга отпустить, — мы собрали со всего постсоветского пространства. Из Челябинска тащили, из Прибалтики. Отрихтовали, отремонтировали, покрасили...

Как добиться достоверности? Я, например, на просмотре "Титаника" заснул. Мне мой друг говорит: "Посмотри, какие потрясающие кадры". А я вижу, что у пассажира глаза какие-то тухлые. "Если бы ты тонул, у тебя такие были бы глаза?" — спрашиваю.

Для достоверности я придумал один фокус. Когда актер должен сыграть такое, чего сыграть невозможно, на лицо на мгновение как бы случайно падает солнечный блик, и никто не замечает неточности в игре. Даже великий Жан Габен не все мог. Известен случай, когда он залез ногами в кипяток, чтобы лицо приобрело соответствующее выражение. У меня играет замечательнейшая артистка Нина Русланова, с которой очень легко работать. Но однажды во время съемок я ей сказал: ты ничего не делай, просто сиди. Залез под стол и кольнул ее вилкой. Она не ожидала — подпрыгнула. Получилось очень органично.

А вообще для каждого актера существуют свои приемы. Лию Ахеджакову вообще не дай Бог

тронуть. С ней надо ходить, разговаривать, и она сыграть. А Людмиле Гурченко в первый съемочный день на "Лапшине" мы семнадцать дублей закатали. Для того чтобы сбить "звездную болезнь". Мы сказали, что ничего не получилось, нужно переснимать. И она все свои штучки отбросила и стала играть нормально. Она очень хорошая артистка. Под конец съемок у нас и отношения были дружеские. Но почему-то написала статью, что над ней два человека измывались в жизни — это Кобзон и я. Кобзон-то был ее мужем, а почему на меня рассердилась, не знаю.

— Где вы нашли великолепного актера, сыгравшего в "Хрустале" генерала?

— У нас была идея снять в этой роли писателя Сергея Довлатова, а в качестве его двойника, того страшного человека, которого гособезопасность хотела использовать для процесса над генералом, — его брата Бориса. Они жутко похожи. Но Сережа умер, а сразу за ним и Боря. И мне второй режиссер сказал, что знает актера из Новгорода, который немножко похож на Довлатова. Это и был Юрий Цурило, по первой профессии кузнец. Страшной физической силы человек. Может гвозди накручивать на палец. И очень твор-

человека и ошутими внутри человека. Что будет дальше — не знаю.

— Где же вы деньги достаете?

— На "Хрустале" давали французы, только те деньги быстро кончились. Включилось Госкино, российское телевидение, искали спонсоров, помогли друзья, Михаил Злыднев. Он, собственно, фермерскими ярмарками занимается, очень серьезным делом, но ходил с нами, выпрашивал деньги. Один раз свои дал, выручил, когда группа сидела голодная. Но, в общем, всегда было трудно. Картины мои сложнопостановочные. Однажды, в далекие теперь годы, во время съемок нас вызвали к Рашидову Шарафу Рашидовичу — это был всемогущий руководитель Узбекистана, и я собрался попросить всякие "необходимости" для нашей картины: мы снимали "Двадцать дней без войны". А Юрий Никулин — мы оказались у Рашидова вместе — стал просить квартиру для местного старого клоуна. Я ему на ногу наступаю, а он свое. После встречи говорю: "Что же вы наделали?" А он мне отвечает: "Да достанешь ты все, ты же трактор, а кто квартиру выбьет старому клоуну?" Кстати, квартиру ему так и не дали...

— А как вы боролись с цензурой? Всегда ли удавалось преодолеть ее барьеры?

— На съемках картины "Проверки на дорогах" у нас был консультантом дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник Драгунский. Хороший человек. И вот он говорит: "У меня есть одно замечание по сценарию. Твой Локотков — это герой фильма — встретился с полковником, и они даже не выпили!" "А надо выпить?" — спрашиваю. "Надо!" Тогда я попросил его написать такое требование к фильму. Он написал. И мы с полным счастьем эту сцену разыграли. Потом кинематографическое начальство разоралось на меня, чтобы я это выбросил, а я говорю: "Мне генерал-полковник велел выпить на экране. Он дважды Герой Советского Союза, а вы нет"...

— Традиционный вопрос — о творческих планах...

— Кино пришло в абсолютный упадок. Денег нет. Был период, когда мы работали почти как в блокадном Ленинграде: снег, пустота, ни души, кроме нас, на студии, какой-то гулкий звук. Если удастся достать деньги, буду снимать "Трудно быть богом" Стругацких. Тридцать лет назад я уже подступался к этому фильму, но получил запрет, потому что произошли события в Чехословакии. Мне

— Традиционный вопрос — о творческих планах...

— Кино пришло в абсолютный упадок. Денег нет. Был период, когда мы работали почти как в блокадном Ленинграде: снег, пустота, ни души, кроме нас, на студии, какой-то гулкий звук. Если удастся достать деньги, буду снимать "Трудно быть богом" Стругацких. Тридцать лет назад я уже подступался к этому фильму, но получил запрет, потому что произошли события в Чехословакии. Мне

человека и ошутими внутри человека. Что будет дальше — не знаю.

— Где же вы деньги достаете?

— На "Хрустале" давали французы, только те деньги быстро кончились. Включилось Госкино, российское телевидение, искали спонсоров, помогли друзья, Михаил Злыднев. Он, собственно, фермерскими ярмарками занимается, очень серьезным делом, но ходил с нами, выпрашивал деньги. Один раз свои дал, выручил, когда группа сидела голодная. Но, в общем, всегда было трудно. Картины мои сложнопостановочные. Однажды, в далекие теперь годы, во время съемок нас вызвали к Рашидову Шарафу Рашидовичу — это был всемогущий руководитель Узбекистана, и я собрался попросить всякие "необходимости" для нашей картины: мы снимали "Двадцать дней без войны". А Юрий Никулин — мы оказались у Рашидова вместе — стал просить квартиру для местного старого клоуна. Я ему на ногу наступаю, а он свое. После встречи говорю: "Что же вы наделали?" А он мне отвечает: "Да достанешь ты все, ты же трактор, а кто квартиру выбьет старому клоуну?" Кстати, квартиру ему так и не дали...

— А как вы боролись с цензурой? Всегда ли удавалось преодолеть ее барьеры?

— На съемках картины "Проверки на дорогах" у нас был консультантом дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник Драгунский. Хороший человек. И вот он говорит: "У меня есть одно замечание по сценарию. Твой Локотков — это герой фильма — встретился с полковником, и они даже не выпили!" "А надо выпить?" — спрашиваю. "Надо!" Тогда я попросил его написать такое требование к фильму. Он написал. И мы с полным счастьем эту сцену разыграли. Потом кинематографическое начальство разоралось на меня, чтобы я это выбросил, а я говорю: "Мне генерал-полковник велел выпить на экране. Он дважды Герой Советского Союза, а вы нет"...

Беседу вел Юрий СТРОГАНОВ, соб. корр. "Труда". ВИЛЬНЮС.